

ЗВАЗА

— Римма Васильевна, откуда такие познания жизни сельских женщин, ведь никогда не жили в деревне?

— Мне очень много лет. Я застала войну. Села и города тогда "обезмуживали", мужчины уходили на фронт. Землю обрабатывали оставшиеся дети, старики и женщины. Из города посылали на поля, и я в сельской местности работала с 14 лет. Поэтому всю деревенскую работу, вплоть до того, как дергать лен и как его трепать, вязать снопы и молотить, как собирать сено в копны, — отлично знаю. Любый сельский труд для меня не загадочен. Мое поколение с ним столкнулось, мы все через это прошли. Так что я видела огромное количество женщин просто работавших и руководивших! И вот что я вам скажу: таких совершенно потрясающих женщин нет ни в одном государстве. Это я железно утверждаю. Во время страшной войны женщины доказали, что могут держать любой удар. Кроме того, я много ездила от Бюро кинопропаганды, с людьми общалась, знакомилась. За всю свою жизнь я набрала столько образов, сколько не переиграешь.

— Но корни у вас деревенские?

— Моя мама — абсолютно сельская женщина. Она работала с семи лет, так заведено было: гусей кормили, пололи — выполняли любые посильные обязанности. Мама была очень работящей и до 89 лет себя сама обслуживала. Сейчас в 50 умирают! Раньше, конечно, и пища здоровая была, без всяких пестицидов. И пусть мясо только по праздникам, зато хлеб был хороший, туда не добавляли дерьма всякого, с которым сейчас пекут и есть который нельзя, и на другой день он уже черствый! Раньше хлеб пекли на неделю, и он всегда был мягким. А мы все на Запад оглядываемся, где все что угодно добавляют во все подряд. Я, кстати, за границей есть не могу.

Папа мой из наиведнейшего крестьянства, там уйма детей в семье была, в основном мужчины. Голодали они всю жизнь. Моему деду надел достался плохой — одна глина, на которой ни черта не росло. И при папе до конца его жизни ничего нельзя было оставить на столе. Он подбедал все. Впрямь. Родители мои тоже жили трудно. Когда мама делала котлеты, он мог съесть 15 штук. Она чуть-чуть зазевается, а он уже все съел. До такой степени в нем жил голод.

Мама тоже росла в многодетной семье, в которой до черта было девок. А тогда девки как-то не очень котировались. Считалось, что мужчина — это работник, голова, а девушку надо было замуж выдать, приданое собрать. Мой дед занимался скотоводством в северной Киргизии, кормил огромную ораву, причем успешно — они жили очень зажиточно.

В своей семье мама считалась уродом. Потому что дед мой был рыжим, кривоногим и конопатым. И девки у него все как одна получились рыжие, кривоногие и конопатые. А мама моя вдруг выросла в мать — высокая блондинка. Но почему-то бабка ее терпеть не могла за то, что так похожа. "У-у-у... лошадь, кобыла..." — говорили. Мама так работала, что ее нанимали во время страды и платили, как мужику. Все знали, что Моря — работница нарасхват.

— Почему Моря?

— Ее звали Мария. А так как в семье до черта девок было, имен уже не хватало и одну звали Марией, другую Мариной, третью — Морей. И всю свою жизнь она вкалывала за троих.

— Вы чья больше дочка, мамина?

— Папина, и похожа на него и внешне, и характером. Он меня очень любил.

— Как же ему удалось отхватить такую невесту: высокую блондинку из зажиточной семьи, да еще и пахавшую за троих?

— Ой, это такая история! Сериал! Сценарий писать можно. Мама вышла замуж за него, а любила совершенно другого человека. Уже случилась революция, и мама вступила в какой-то союз молодежи. Папа в их деревню нарисовался из армии. Он занимался художественной самодеятельностью, и она тоже записалась в кружок. Ну, папа Вася на нее и клюнул со страшной силой. А у мамы в то время была любовь с человеком, который на всех праздниках играл на скрипке. Они встречались. Однажды этот молодой человек заявил ей, мол, хватит ходить за ручку, пора бы перейти к более близким отношениям. Мама, естественно, послала скрипача этого к чертовой матери. Сейчас исчезла целомудренность. Мы, мое поколение, целомудренные до сих пор.

Римму Маркову я долгое время безбожно путала с Нонной Мордюковой. Обе до невозможного похожи на типичную тетку Валю из глубинки — большие, сильные, с густыми голосами. Такая любому мужику в лоб зарядит и фамилию не спросит. И экранные жизни у них выходили все какие-то обидные, такие, каких у этих искренних и открытых женщин быть не должно. Героиня "Бабьего царства", председатель колхоза с лицом Марковой, жесткая и незамысловатая, в отличие от большинства сегодняшних героинь, похожа на большую часть населения России. Это она — русская в оранжевой жилетке на плечах, та, которая утром гонит свою козу (ну сущую дуру!) в желтые бескрайние одуванчики. Хотя, бывало, Римма Васильевна вливалась в кадр и в кринолинах. Мало кто знает, но она сыграла фрейлу в "Скворце и лире", последнем фильме Александрова, который так и не вышел в прокат. Кстати, Любовь Орлова в той картине исполнила роль горничной. Сегодня

Маркова замерзла в прохладных коридорах Дома кино, закуталась в шубу, сделавшись похожей на купчиху.

Тут мой отец начал за ней ухаживать. А она и внимания на него никогда не обращала. Он ей не нравился, между прочим, до самой смерти!

— Но она все-таки вышла за него?

— И они 57 лет прожили вместе! Это тоже, кстати, поступок. Когда вся эта история произошла, у мамы коса была белая, личико с таким носиком, чистое, без конопушек — красавица. Скрипач увидел, что за ней папа ухаживает, и заело его, что ли... Он подошел к отцу и говорит: "Да ты чего? У меня с ней уже все было". А в то время подобные разговоры о женщине, да еще в сельской местности — вообще катастрофа. И когда по деревне пошла гулять сплетня и мама ее услышала, она пошла к отцу и сказала: "Возьми меня и скажи им, что ни с кем у меня ничего не было". Так она вышла замуж. И всю жизнь с ним прожила. Не любя!

— Ваша мама прожила длинную жизнь, и что, никогда ни слова про скрипача?

— Никогда. Она вся зациклилась на детях. Она очень любила моего брата, меня — меньше. Потому что я была оторва ужасная. Вела себя так, что меня убить надо было сразу. Во всех драках участвовала, переклонила всю школу, включая мальчишек. (Римма Васильевна плутовски улыбается.) Может быть, поэтому я еще держусь.

— А правда, что ваш папа вашу маму повесить хотел?

— Правда. Он же все время пытался доказать, что он ее любит, а она молчала. Он требовал: "Скажи, что ты меня любишь!" А она отвечала, что не любит, никогда не любила и любить не будет. Он брал веревку и везл ее в лес. Папа был очень артистичен и что только ни придумывал. Однажды, я тогда в первом классе училась, нас мама встретила на вокзале. Папа мне говорит: "Скажи ей

Моя мама — 2004 — 26 янв. — с

Римма Маркова:
"Я наступила на собственное горло сапогом сорок первого размера и успокоилась"

РУССКИЙ характер

— папа бросился под поезд из-за того, что ты его не любишь". Я понимала, что это ужасно. Но что мне было делать? "Мама, он бросился под поезд", — под нос бубнила я. Она, конечно же, все понимала. "Жалко, что опять неудачно", — говорила.

— Фальшивые отношения родителей как-то сказались на вашей жизни?

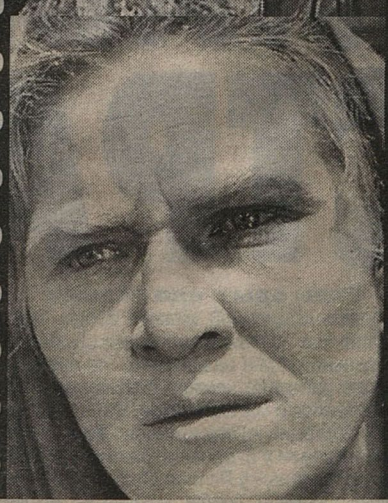
— Абсолютно нет. Я же говорю, мы и понятия не имели. Когда папа заболел, она дежурила, ни на шаг от него не отходила, и нам бы и в голову не могло прийти... Привычка уже, понимаете. А потом дети — это же редкие эгоисты. Любит мама папу или нет? Да плевали мы на это, у нас своя жизнь была. Мама только перед самой смертью рассказывала про скрипача. Я тогда у нее спросила, неужели она никогда не изменяла отцу? Нет, ей даже в голову это ни разу не пришло, несмотря ни на что. А ведь за ней ухаживали, ей предложения делали! И она пыталась от него отделаться, много раз уезжала от отца, бросала его. Однажды она с Леной сбежала, а меня оставила с папой.

— Не обидно было?

— Кому? Мне? Ни капли. Я говорю: "Мам, дай рубль на халву". Это было в Ашхабаде, и там на рынке продавали желтую тягучую халву. Она мне жутко нравилась.

— Какая вы!

— Да. Она, рыдая, протягивает мне этот

рубль, а я думаю, чего это она рыдает? Мы ж это всеерьез не воспринимали. А мама два одеяла продала, чтобы купить билеты на поезд. Потому что он ее окончательно ревностью своей замучил. Сам изменял на каждом шагу, а ее ревновал со страшной силой. Я была свидетелем, когда он вилку держал перед глазами и требовал: "Скажи, что ты меня любишь, или я выколю себе глаза". Я испугалась, орала жутко: "Мама, скажи "да"! Но тогда я не понимала, что происходит.

— Вы жесткий человек?

— Да. Очень. Жизнь заставила. Вы понимаете, что такое приехать из провинции в Москву?

— Я — да.

— И какие бывают москвичи, вы знаете? Они же считают Москву своей вотчиной. Вообще никто не смеет, да еще из провинции, из деревни...

— Но вы очень удачно попали в "Ленком".

— Да, это такой пласт — 18 лет жизни. Студия, театр... А на юбилей меня даже не позвали. Хотя, может, я не так востребована, не столько сыграла, сколько могла бы. Мне прочили много, но то, что я выплыла и хоть какую-то нишу заняла, — счастье. Это почти чудо, потому что молодых людей Москва ломает. Я не сломалась, что говорит о характере. Пообломалась здорово, но это так — веточки отлетели. Главное, суть-то осталась. Я жила честно, и так... нельзя. Я воспитана была на правде, честности, любви, а нужно уметь приспосабливаться, где-то что-то пропустить, не заметить. Нужно для того, чтобы выжить. И я выжила.

— Самое неласковое, что вы видели от Москвы?

— Отношение. Хотя мы в деревне никогда не жили, отношение было — деревня, блин! И ко мне, и к брату. Потому что мы были самыми талантливыми в студии.

— Театр тоже обижал?

— Был такой момент, когда меня выгнали из театра. Нужно было сокращать штаты, а кого? За меня заступиться было некому. Я тогда всеерьез думала, каким способом покончить с этой жизнью. Ведущие актеры театра просто встали на дыбы. Они написали письмо в ЦК, в котором спросили, как это можно выгнать молодую талантливую актрису только потому, что у нее нет "спины"?! Меня восстановили, и почти сразу я написала заявление об уходе.

— Штамп о браке с испанцем, коммерсантом из Мадрида, в паспорте до сих пор присутствует?

— Да вот только что меняла паспорт и умоляла просто, чтобы не ставили этот штамп. Ну в самом деле, ведь уже тридцать лет не виделась! И потом, он же живет в другом государстве.

— Почему вы вышли за него замуж и не поехали в Испанию?

— А зачем?

— Ну, другая жизнь, и он ваш муж, кстати, по сей день.

— Я могу жить только в стране, в которой я родилась! Никого не осуждаю, но считаю — родину предавать нельзя. Я не могла бы ни секунды там прожить. А потом — я на тот момент в приличном возрасте была...

— Сорок лет. Ничего себе приличный возраст!

— У меня уже сложилась жизнь. Я очень люблю нашу страну. Поездила, повидала и считаю, что лучше и красивее наших людей просто нет. И когда выходила замуж, я Антонио говорила, что не буду жить нигде, кроме России. Но вы же знаете, когда они ухаживают, на все соглашаются... А штамп появляется, начинают права качать. Но со мной такое не происходит.

Он мне говорил, ткни пальцем в карту, покажи, где ты хочешь жить. А я тыкала все время в одну и ту же страну.

— А Антонио в СССР пожить не хотел?

— Я не могла требовать от него того, что считала невозможным для себя — оставить родину. Хотя он человек обеспеченный, я могла бы с ним жить, сладко есть и мягко спать. Но чтобы ради этого... Нет, не для меня!

— Вы как-то сказали, что мужчин надо использовать. Для чего?

— Для здоровья, для материального благополучия, для... когда ребенок нужен. Только так. Но это я сейчас говорю. Если б мне, когда я была молодой, это пришло в голову, по-другому бы жила. Уже 28 лет у меня не было мужчин. И мне они были не нужны, хотя я функционировала как женщина. Я наступила на собственное горло сапогом сорок первого размера и успокоилась.

— У вас очень сложный характер.

— Да, уж такой родилась и другой не буду!

P.S. Такое вот получилось интервью с народной артисткой Риммой Марковой. Про нее и мадридского коммерсанта, про ее маму и скрипача, про женщин из провинции, каждая из которых — омут. С секретами и тайнами, которые годами исправно хранятся на самом дне.

Елена МИХАЙЛИНА.